

Д. Н. Анучин

О ЗАДАЧАХ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ [1889 г.]

Русская этнография существует не со вчерашнего дня. Если даже оставить в стороне те отрывочные этнографические данные, которые разбросаны в литературных памятниках допетровской эпохи — в летописях, хронографах, космографиях, “хождениях”, статейных списках, отдельных сказаниях, — то все-таки история русской этнографии начинается почти одновременно с историей научной этнографии вообще. Правда, мы имеем на Западе целый ряд описаний путешествий, изданных в XVII, даже в XVI в., и некоторые из них заключают в себе немало интересных сведений о разных народах, с приложением нередко любопытных рисунков (достаточно указать, например, на путешествия Герберштейна, Олеария, де Бри, многих португальцев и голландцев); но, во-первых, этнографический элемент в них является более или менее случайным, и, во-вторых, он ограничивается большей частью тем, что доступно туристу, не выказывая стремления проникнуть глубже в народные особенности, подвергнуть их сравнительному изучению, воспользоваться ими для общих вопросов истории или языкознания. Только в XVIII в. полагаются первые основы научного, сравнительного изучения языков, религий, быта, вводится в употребление самый термин “этнография” и делаются попытки воспользоваться этнографическими данными для расширения пределов истории и для более глубокого понимания древнейших стадий развития человеческого духа, человеческой культуры, человеческого общества¹. Но в течение того же столетия этнографические вопросы обратили на себя серьезное внимание и в России. Озабоченный своими филологических разысканиями, Лейбниц обращается к Петру Великому и Шафирову и просит их о собрании образцов различных наречий в пределах России для того, “чтобы путем сравнения их дойти до познания происхождения скифских народов”. В 1716 г. русское правительство заключает контракт с доктором Мессершмидтом о поездке последнего в Сибирь для изучения этой страны, причем он обязывался также заниматься “описанием сибирских народов и филологию”. Желание Лейбница исполнилось только в 1786 г. в изданном Екатериною II сравнительном словаре языков (*Linguarum totius Orbis Vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta. Petropoli, 1876. Sect. prim. Pars. I*), но изучение различных народностей России началось полувеком ранее. В 1733–1737 гг. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин при содействии Штеллера и Крашенинникова собрали массу этнографических данных в пределах Сибири, и Крашенинников в особенности составил интересное описание быта камчадалов — народа, находившегося еще тогда в первобытной стадии каменного века. Это описание, появившееся в печати ранее, чем совершились знаменитые кругосветные экспедиции Лаперуза, Кука, Форстера, не утратило своего интереса и в настоящее время как одно из древнейших, правдивых и обстоятельных

Архивная публикация. Воспроизводится по тексту оригинала: *Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии (несколько справок и общих замечаний) // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 1. С. 1–35. | Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) — этнограф, антрополог, географ, профессор Московского университета, стоявший у истоков современной академической антропологической дисциплины в России | Текст публикуется в современной орфографии и пунктуации | © 2019 Этнографическое обозрение | Работа осуществлена в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия).*

Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 11–28. <https://doi.org/10.31857/S086954150007765-1>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

изображений быта и нравов неизвестного дикого народа на берегах восточной Азии. В 1768 г. начался новый цикл ученых экспедиций, в котором приняли участие Паллас, Гмелин-младший, Гюльденштедт, Лепехин, Зуев, Рычков, Фальк, Георги и другие. Всеми этими исследователями был собран богатый запас сведений по географии, естественной истории и этнографии различных областей России, особенно Урала, Сибири, Киргизских степей и Кавказа. Что касается этнографических сведений, то они касались, разумеется, более внешней обстановки быта; тем не менее в труде Палласа — о монгольских народностях — была сделана попытка обозреть не только быт, но также историю этих племен, их религию, общественное устройство и т.д. Около того времени как в Германии были изданы первые опыты систематического описания различных народов с приложением их изображений (*Ethnographische Bildergallerie* и др.), и у нас появилась книжка Миллера: “Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш и вотяков” (СПб., 1791, с рисунками) и гораздо более обширный труд Георги: “Описание всех обитающих в российском государстве народов”. Вышедшее сперва на немецком языке, это последнее сочинение было затем издано два раза на русском, причем второе издание, 1799 г., полнее оригинала и снабжено ста изображениями народов. При составлении своего труда Георги пользовался, кроме собственных наблюдений, еще описаниями Миллера, И. Гмелина, Крашенинникова, Штеллера, Фишера, Рычкова, С. Гмелина, Палласа, Лепехина, Лема, Клингштедта, Гегстрема, Шлёцера и других, и вообще его труд по своей обширности и числу описанных в нем народов едва ли имел в то время равных в западноевропейской литературе. Рядом с инородцами в нем описаны и русские, но сравнительно более кратко и поверхностно, да и то по преимуществу в историческом отношении².

XIX век внес в изучение русской этнографии новые вопросы и новые методы. Труд Клапрота о языках Азии был первой попыткой научного анализа языков массы русских инородцев. За ним следовали труды Шёгрена и Кастрена, положившие начало сравнительному изучению финских языков и финской этнографии. Рассуждение Востокова о славянском языке (1820 г.) было первым русским научным трудом в области славянской филологии, оцененным, однако, сначала лишь западными славистами — Копитаром и Шафариком. Собственно этнографические исследования, серьезное собирание материалов по народному, крестьянскому быту началось лишь в тридцатых и сороковых годах. Ранее, в прошлом и в начале нынешнего столетия, при резком отчуждении высших слоев русского общества от низших, при усвоенном презрительном отношении к нравам и обычаям “подлого” народа, обстоятельное изучение его быта, воззрений, верований, поэзии было немислимим. Немногие собиратели материалов по народному быту выбирали из него то, что им нравилось или казалось более любопытным и курьезным, часто притом еще искажая его: поправкою языка, произвольными догадками, выпусканьем излишних, по их мнению, подробностей или сентиментальным, фальшивым тоном. Разработка русской истории, потребность составить себе более наглядное понятие о быте предков была, кажется, одним из главных поводов и к собиранию данных о различных сторонах современного народного быта. Впрочем, первые попытки изучения русских древностей (напр., Успенского) и мифологии обходились без таких аналогий с народной жизнью, и только в трудах Снегирева, Сахарова, Терещенка мы видим попытки более серьезного собирания этнографических материалов и истолкования их (не всегда удачного) как остатков отдаленной старины. К тому же времени, именно к концу тридцатых и к сороковым годам, относится почин научного изучения истории юридического быта, изучения, которое было перенесено затем и в область мифологии, обычая и предания. В обширном разборе книги Терещенка “Быт русского народа” Кавелин сделал первый серьезный опыт объяснения народного быта, применяя к народной мифологии, преданиям и обычаям тот способ исследования,

какой история юридического быта прилагала к учреждениям³. Значительное влияние на движение русской этнографической науки оказало далее, с одной стороны, знакомство со славянским миром и его литературой в лице Срезневского, Бодянского, Надеждина и иных; с другой — знакомство со сравнительно-филологическим методом, с новыми направлениями, внесенными Боппом, Поттом, Гриммом, позже Маннгардтом, Бенфеем и т.д. в науку о языке и сравнительную мифологию и приложенными к соответственным отраслям знания в России Буслаевым, Афанасьевым, Котляревским, Веселовским и другими. Известную долю влияния оказали также многие русские беллетристы, обратившиеся к изучению народной жизни и к ее художественному воспроизведению или, подобно Далю, занимавшиеся собиранием материалов по русскому народному языку, записыванием слов, поговорок, сказок, поверий и т.п.

Все эти труды в области изучения русской народности были, однако, выражением лишь стремлений отдельных частных лиц, и только в конце сороковых годов возникло в Петербурге ученое общество, принявшее этнографические исследования под свое руководство и покровительство. Основанное в 1845 г., Русское географическое общество поставило целью своего Отделения этнографии России собирание “сведений о прежнем и нынешнем состоянии племен, вошедших в состав государства, в отношениях: физическом, нравственном, общественном и языковедения”. В первых двух книжках “Записок” этого общества, вышедших вторым изданием в 1849 г., были помещены две статьи, составляющие как бы введение к последующим трудам членов общества в области этнографии. Одна из этих двух статей, составившая сообщение, сделанное в заседании 6 марта 1846 г. академиком К.Э. фон Бэр, первым председателем этнографического отделения, озаглавлена: “Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности”⁴. Бэр, как известно, был ранее профессором анатомии в Кёнигсберге, а затем, переселившись в Петербург, заняв здесь место академика по кафедре зоологии, позже — анатомии и читая анатомические курсы в медико-хирургической академии, интересовался особенно антропологией, изучением человеческих племен в физическом или соматическом отношении. Но, понимая антропологию в обширном смысле, Бэр по примеру Причарда вполне признавал важность изучения племен и в психическом, бытовом отношении.

Если б богатый человек, — так начинает он свою статью, — желая оставить прочный памятник своей любви к наукам и к России, спросил меня, что ему сделать для этого, я отвечал бы: доставьте возможность исследованием России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подобное описание. Этим вы оставите по себе сочинение, которое никогда не может быть изменено и улучшено и с коим будут справляться самые отдаленные потомки так, как ныне мы ищем сведений в творениях Геродота и вообще в первых литературных произведениях народов... Запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен. Народы исчезают и остаются одни имена их. История открытия Сибири показала много имен народов, которые уже не существуют. Некоторые племена близки к уничтожению, напр. Ливы и Кревинги. Хотя небрежение к физическим и нравственным различиям племен ведется издавна, и вследствие того память о них теряется, но еще есть многое в этом отношении, что могло бы быть собрано и что с течением времени уменьшится, а наконец и вовсе исчезнет. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастет в цене... Богач, о коем я говорил, есть наше Географическое общество. Оно желает собрать сведения о нашем отечестве, имея для этого немаловажные средства (Географическому обществу была пожалована ежегодная субсидия в 10 000 р.). Но оно должно желать, чтобы труды его были оценены в ученом свете и чтоб они имели достоинство постоянное. Посему не должно ли оно предложить себе вопросы,

на какие исследования употребить прежде всего эти средства? И не следует ли отвечать: употребите их для работ такого рода, материал коих уменьшается с каждым днем, и коль скоро исчезнет, то уже никак не может быть создан вновь, и притом таких, которые будут вполне оценены отечественными и заграничными учеными и никогда не потеряют своей важности. Посему я советовал бы употребить немедленно средства, коими общество располагает, если не исключительно, то по крайней мере преимущественно на этнографические исследования в России, если б только для этого не нужно было продолжительное приготовление. Но приготовление необходимо. Мы должны сделаться вообще более способными для этнографических работ и найти людей, кои исключительно посвятили бы себя этому роду занятий.

Далее Бэр указывает на важность этнографии для истории:

Этнография нашего времени представляет современные племена в живой картине того положения, в коем находились другие народы, давно исчезнувшие, но о коих сохранились еще неясные сказания... История, или, по крайней мере, история просвещения и этнография часто заимствуются одна от другой и в основаниях своих составляют одну и ту же науку... Сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошли. Таким образом, история образованности человечества, написанная Клеммом, есть не что иное, как изображение жизни народов в течение времен. Но кроме всеобщих сведений о разных степенях просвещения, подробное знание разных народов новейшего времени весьма важно для вывода общих заключений там, где чувствуется недостаток в собственных исторических данных. Все, что народ сохранил от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям. Сюда мы отнесем: физические свойства народа, умственные способности его, религию, предрассудки, нравы, способы к жизни, жилища, посуду, оружие, язык, поверья, сказки, песни, музыку и проч. Даже часто местные названия дают достовернейшие сведения, чем подлинные документы... Но я никогда бы не кончил, если б вздумал подробно излагать, каким образом познание племен объясняет историю. Это было бы притом излишне, ибо каждый видит, что история человечества имеет два рода данных: одни, собранные на камне, пергаменте и бумаге, и другие, составляющие часть настоящей жизни народов. Слишком долго занимались ученые только первого рода данными... Только в прошедшем столетии стали обращать внимание на живые источники и только в XIX в. убедились, что эти источники изменяются и истощаются. Могу заключить только замечанием, что исторический исследователь с величайшим усердием старается теперь подметить и сохранить самомаleastшие отличительные черты народности во всех отношениях. Он с удивлением видит, сколько было употреблено трудов и расходов и сколько еще теперь употребляется, чтоб разузнать прошедшее положение народа, и как беззаботно в то же время пропускают без замечания нынешние обстоятельства. Составлены целые собрания Египетских редкостей и употреблены на это миллионы... но я сомневаюсь, чтоб где-нибудь сохраняли русскую балалайку, хотя чрез столетия настоящая балалайка, конечно, будет большою редкостью. Вообще из собственно русских произведений едва ли мы найдем что-нибудь в музеях, кроме разве лаптей, которые Петр Великий подарил на память в Копенгагене.

В заключение Бэр обратил внимание на важность основательных этнографических сведений для “политики”. Введение новых форм общественного устройства, реформы в существующих гражданских отношениях должны сообразоваться, по его мнению, с обстоятельствами, с уровнем культуры племен, их бытом и потребностями. Одни и те же формы не могут прилагаться одинаково ко всем народам и к различным ступеням культуры. Племя негров, говорит он далее, нигде не возвысилось над жалким фетишизмом. “В монгольском племени мы находим пространное государство и полное развитие самодержавия, но нигде не видим ограничения самодержавия правительственными учреждениями, или же находим только кочующих народов, без устроенного правительства... Организованную республику и умеренную монархию находим только в племенах индоевропейского происхождения”. Что

касается причин, обуславливающих такое различие, то, по мнению Бэра, “с уверенностью можно сказать, что условия местности определяют главные различия способностей народа”, но “остается также справедливым, что способности ума находятся в зависимости и связи с телесным образованием”. При обсуждении этих взглядов Бэра следует принять во внимание, что в то время, в сороковых и пятидесятых годах, западноевропейскими учеными высказывалось нередко мнение о неравенстве человеческих рас в психическом отношении. Укажем, например, на Гобино, написавшего четырехтомное сочинение “*Sur l'inégalité des races humaines*”, и на Каруса, делившего все племена человечества на активные и пассивные, “мужские” и “женские”. Это коренное различие между племенами проводилось некоторыми гораздо дальше, чем между неграми и белыми. Многие немецкие историки и публицисты — Лео, Клемм, Риль — видели в различии германцев и славян как бы различие половое и доказывали, что германцы представляют собою элемент мужеский, активный, а славяне — элемент женский, страдательный. Иные выставляли германцев носителями внутренне религиозного, нравственного элемента, романцев — рационалистическо-политического, а славян — материалистического и уподобляли их хамитам, в противоположность семитам и яфегитам. Дитцель сравнивал славян с неграми и доказывал, что “русские, хотя и белые, но у них есть свойства негров. Они не работают более, чем нужно, и без принуждения”. Поэтому “крепостное право надолго не может быть уничтожено в России, даже по причинам экономическим, так как русский иначе, как из-под палки, работать не умеет”⁵. Мы не думаем, однако, утверждать, чтобы Бэр разделял подобные же взгляды, хотя он и был, по-видимому, убежден в существенном отличии физического типа славян от типа германцев (особенно по черепу) и в большей близости его к монгольскому.

В другом своем сообщении, сделанном в 1848 г., Бэр предложил Географическому обществу обратить внимание на устройство обширного и систематического этнографического музея, который бы мог дать наглядное понятие об обстановке народной жизни, недостижимое простым описанием. В своем сообщении Бэр изложил подробную программу такого музея, указал на те категории предметов, которые должны быть в нем представлены, и на то, что лучше, если они будут размещены по народностям, а не по другой системе — например, по видам предметов. Развивая такие взгляды, Бэр проводил мысли, высказанные 17 годами ранее Жомаром (Jomard), известный археологом-египтологом, библиотекарем королевской (ныне — национальной) библиотеки, который еще в 1831 г. представил французскому министру торговли записку о необходимости основать в Париже этнографический музей. В этой записке в числе разных доводов был, между прочим, приведен тот, что “когда со временем пожелают начертать историческую картину прогресса дикарей, может быть, для того не окажется уже никакого материала, кроме смутных указаний и темных преданий. Поэтому для истории человечества и цивилизации представляло бы большое значение, если бы было определено в подробностях то состояние, которого достигли эти дикие народы ранее усвоения ими благ просвещения и лучшего общественного устройства”. На записку Жомара откликнулся особенно известный этнограф и знаток Японии Зибольд. В своем “Письме о пользе этнографических музеев” (*Lettre sur l'utilité des Musées Ethnographiques*, 1843), адресованном Жомару, Зибольд заметил, между прочим, что “исследования, которые можно назвать сравнительно-археологическими и сравнительно-этнологическими и которые основываются на очевидных аналогиях, представляемых бытом народов, исчезнувших с бытом народов еще живущих, — что этого рода исследования выставили с особенною ясностью значение археологических и этнографических коллекций, сделавшихся теперь существенно необходимыми при серьезном изучении истории древней и новой культуры”. Записка Жомара была передана на рассмотрение особой комиссии и удостоилась полного одобрения влиятельного тогда Кювье; тем не менее прошло

около тридцати лет, прежде чем идея Жомара получила, и то далеко не полное, осуществление в Париже.

Как натуралист, Бэр интересовался всеми племенами и народностями России одинаково, и если отдавал изучению некоторых предпочтение, то потому, что они были менее известны или близки к вымиранию и исчезновению. С другой стороны, не будучи русским, он не мог сознавать вполне важности изучения коренного русского племени, познание которого могло внести новый свет как в русскую историю, так и в понимание современных народных потребностей. Поэтому сделанное в 1846 г. сообщение Н.И. Надеждина “Об этнографическом изучении народности русской” являлось существенным дополнением ко взглядам и задачам, высказанным Бэром. Надеждин был славист, историк-географ и по тому времени человек многосторонне образованный. Его исследования о Геродотовой Скифии и его “Опыт исторической географии русского мира” были важными и ценными вкладами в русскую науку. Последний труд остался, правда, неоконченным, и в сущности это было только введение в русскую историческую географию; но он важен тем, что в нем было впервые указано на важность этой отрасли знания для понимания исторических судеб славянского племени и русской народности и разъяснено на ряде примеров, каким методом следует руководствоваться при анализе русской географической номенклатуры. Свое сообщение, сделанное в годичном собрании Географического общества 1848 г., Надеждин начал с того, что напомнил об обязанности общества, согласно его уставу, сосредоточить свою деятельность главным образом на изучении отечества, а отсюда следует, по мнению Надеждина, что особенным предметом внимания отечества “должно быть то, что именно делает Россию Россией, то есть человек русский — разумею совокупность отличительных черт, теней и оттенков, условливающих особую, самообразную бытность человечности или, как говорится обыкновеннее, — *народности русской*, сказать короче еще — *этнографию собственно русскую*”. Указав затем, что в последнее время стали появляться лица, как Даль, Кёппен, Сахаров, Снегирев, собирающие русские народные поверья, сказки, песни, пословицы, Надеждин замечает: “Все это добрый, отличный материал для русской этнографии. Но самой этнографии еще нет. Нет и не будет, пока этот материал только что копится да копится — пока им, не к одной забаве любопытства, но к удовлетворению существенных требований народного самопознания, не займется и не распорядится наука”. Но в чем должно состоять содержание этнографии как науки, и какие ее задачи в деле этнографического изучения народности собственно русской? Прежде чем ответить на этот вопрос, Надеждин разбирает смысл термина “этнография” и выводит, что предмет ее составляют народы и что ее задача — приурочивать “людское” к “народному” и через то обозначать как “общечеловеческое”. Вернейшее и удобнейшее средство различать народы дается языком, который и должен привлекать к себе особенное внимание этнографа — именно язык, по преимуществу живой, народный. “Слово устное, язык живой, в своем *всенародном* или — скажу еще точнее — *простонародном* употреблении: вот собственно дело этнографии; вот законная, беспрекословная область ее лингвистических работ, ибо тут только, через цепь веков, через ряды всякого рода переворотов сберегается если не вся, то, по крайней мере, в главных чертах первоначальная, самообразная жизнь и особость народов, что именно и есть их *народность*”. Обращаясь затем к “народности собственно русской”, Надеждин выставил на вид, что в отношении к ней основная часть этнографического изучения, часть лингвистическая, в только что изложенном смысле, “находится в крайнем, почти совершенном запущении”.

Довольно заметить, что если производятся у нас филологические работы, если есть грамматика и словари, то отнюдь не для русского языка, а для русского; то есть для

того, который находится в официальном, так сказать, употреблении по России, а не для того, которым Русь запросто пробавляется. В этом последнем не определено еще доселе с желательной точностью: в каком отношении состоят между собою его главные видоизменения, называемые языками велико-российским, мало-русским и бело-русским; что составляет существенные отличительные признаки их лексического состава и грамматической ткани, их словообразования, словосочинения и, наконец, всего более, словопроизношения, где ярче, нежели во всем прочем, выражаются мельчайшие черты народного различия; в каких географических пределах заключаются эти видоизменения; как раздробляется потом каждое из них на свои тени и оттенки? Все это предметы первой важности при изучении народа в его языке, при обращении лингвистики на пользу этнографии, и все это у нас почти вовсе не тронуто⁶.

После языка, по мнению Надеждина, внимание этнографии “должно обращать ся порознь на обе составные стихии человеческой природы, т.е. телесную и духовную, и каждую из них подвергать исследованию в тех отличиях, коими запечатлевает ее народная особость. Это составит две другие части народоописательной науки, кои можно назвать *этнографией физической* и *этнографией психической*”. Под “этнографией физической” Надеждин понимал то, что теперь называют антропологией племен, т.е. изучение физических различий между ними, — область знания, которая, по выражению Надеждина, в то время была еще “лист совершенно белый”. Но от этого, продолжает Надеждин, нет еще нужды приходить в излишнее отчаяние. “Приложение естественного познания человека к народознанию началось весьма недавно и до сих пор не может хвалиться особенною успешностью развития... Почва физико-этнографических изысканий еще зыбка и мало способна к установлению на ней прочных выводов”. Более подвинулось собирание материала в области “этнографии психической”, куда относятся, по Надеждину, “все особенности, коими знаменуются в народах проявления духовной стороны природы человеческой”, как-то: весь быт народный, “народный ум и народная нравственность”, “семейное устройство”, “домохозяйство”, “общественность”, религия и т.д. — “словом, разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не только как ему может, но как сам хочет и как умеет”.

Но в чем же должна состоять научная очистка и разработка этого материала, его *этнографическая критика*, особенно в применении к народности собственно русской? На этот вопрос Надеждин отвечает так:

Народность должно наблюдать и изучать в действительном быту народа. Но народ действительно существует в бесчисленном множестве отдельных личностей, принадлежащих, конечно, к одному, тем не менее всегда более или менее ветвистому и притом в ветвях своих более или менее разнообразному корню. Разнообразием этой нечего было слишком смущаться, если б она всегда была плодом чистого, беспримесного, само из себя исходящего, самим через себя определяемого различия. Но известно, что во всем, касающемся человека как человека, особенно в таинственном процессе образования так называемых “народностей”... участвует неисчислимое множество разнороднейших случайностей. Преимущественно сильно здесь взаимное слияние самых народностей, когда они вследствие различных переворотов, составляющих историю человечества, сталкиваются между собой, тем более остаются надолго в близком, постоянном соприкосновении. Тут всегда, больше или меньше, происходит обоюдный размен понятий, нравов, привычек, одним словом — всех национальных особенностей, которые, по свойственной человеческой натуре емкости, до того срастаются иногда с воспринявшими их народами, что кажутся уже не прививками и приростами, но существенными чертами их самородного своеобразного образа. Таким образом, в действительном быту народа, как он представляется непосредственному наблюдению, может находиться многое, вовсе не принадлежащее его народности, совершенно чужое и чуженародное.

Из этого общего закона, продолжает Надеждин, не могло быть исключения и для народа русского. “Русский человек сложился в свой нынешний вид в постоянном соприкосновении, под непрерывным влиянием различнейших чуженародностей. Известно, что Восток и Север нынешней России издревле заселены были сплошно чудью... что первенствующий ныне оттенок народности русской, оттенок так называемый Велико-Российский, собственно, не что иное, как плод проникновения грубого чуждства образовательною стихиею русскою”. На юге и западе нынешней России, “в старинном домовище русского человека”, последнему пришлось также “вытерпеть немало приливов и наплывов, отслед которых не мог не остаться на его природной физиономии”. Оттого “в нынешнем юго-западном облике народности русской... многое отзывается чистою Азиею, избличает в себе происхождение Кавказское, или, еще далее, под-Алтайское... Присовокупите к тому... влияние цивилизаций, прибывавших на Русь в разные времена... Греческо-Византийской... Латинско-Польской... Немецко-Варяжской... При всем этом русский человек не перестал быть человеком русским, не выродился ни в чужь белоглазую, ни в сорочину долгополую, не обернулся ни ляхом-католиком, ни немцем-алютором... Что ж именно теперь в нем принадлежит его первобытной, основной, чистой, беспримесной русской натуре? Что в этой многовековой накипи разнородных и разнокачественных элементов, которая составляет нынешнюю бытность народа русского, должны мы признавать существенно своим, ниоткуда не занятым, самородно и самообразно русским? Вот задача этнографической критики, примененной к нашему народному самопознанию”.

Путем к решению этой задачи, полагал Надеждин, “не иное что может и должно быть, как сравнение”. Нужно сличать все местные особенности и отбирать все то из них, что оказывается общим, повсюдным. При этом нужно не упускать ни малейшего уголка, где только есть русские. В особенности не следует забывать *о русских вне России*, “которые заслуживают тем большего внимания, что в них основное общерусское начало не подвергалось многим из тех влияний, каким подлежат или подлежали русские в нынешних пределах России... и что поэтому особенности, ими представляемые, должны иметь особенный интерес при том процессе сравнения, коим должно доходить до открытия коренных черт истинно русской народности”. Ввиду этого Надеждин и посвятил вторую половину своего сообщения обзору Галицкой и Венгерской (Угорской) Руси, характеристике так называемых русинов или русняков, тем более, говорит он, “что вследствие неоднократно совершенных путешествий на основании личного живого наблюдения, об этой *вне-русской Руси* приобретены мною некоторые сведения”.

Указанные статьи Бэра и Надеждина могут быть рассматриваемы как попытки указать этнографическому отделению только что основавшегося Географического общества задачи, направления и отчасти методы, коими оно имело руководствоваться в предстоявшей ему деятельности. По-видимому, общество и приняло эти указания во внимание; по крайней мере, о том свидетельствует его дальнейшая деятельность. Конечно, общество не могло последовать совету Бэра — употребить все или большую часть своих средств на описание народностей России, но оно приняло ряд мер к ознакомлению со многими малоизвестными племенами и к изучению некоторых недостаточно известных областей России в этнографическом отношении. В первое время общество следовало, по-видимому, более указаниям Бэра. Так, первая этнографическая экспедиция была снаряжена им для изучения вымиравших ливов и кривингов; последующие экспедиции доставили сведения о самоедах и остяках (Гофман), об амурских инородцах (Маак, Шренк), о туркменах и других народностях Средней Азии. В изданиях общества за первые 10—15 лет был помещен, кроме того, ряд очерков различных инородческих племен: самоедов, бурят, чукчей, коряков, тунгузов, карагассов, крымских татар и т.д. Получив казенное помещение,

общество стало собирать в нем доставляемые различными путешественниками и случайно присылаемые этнографические предметы, хотя ему и не удалось устроить из них настоящий музей. При всем этом не забывалась и русская народность. В архиве общества стал скапливаться мало-помалу обширный рукописный материал — разные заметки о быте народа, сборники песен, описания поверий и обрядов, юридических обычаев и т.д., — часть которого была обработана и напечатана в изданиях общества, но часть так и осталась сырым рукописным материалом. В разное время было помещено также несколько статей о народностях Балканского полуострова, об Угорской Руси, о Литве, а в шестидесятых годах общество снарядило даже большую этнографическую экспедицию в юго-западный край, и собранные ею материалы в обработке П. Чубинского составили весьма ценный вклад в русскую этнографию. Наконец, общество издало этнографическую программу, этнографическую карту Европейской России, принимало участие в собирании материалов по обычному праву, по антропологии и доисторической археологии, а в последнее время снарядило экспедицию для собирания мотивов русских песен и издало ряд сборников по народной поэзии.

Одною деятельностью Географического общества русская наука, однако, довольствоваться не могла. С оживлением русского общества в конце пятидесятих годов началось усиленное собирание этнографического материала помимо собственно Географического общества. Уже в царствование Николая Павловича были основаны Губернские ведомости, начавшие местами помещать на своих столбцах этнографические заметки и материалы, но в шестидесятых годах их деятельность в этом отношении, по крайней мере в некоторых губерниях, заметно усилилась. Кроме того, подобный же материал стал появляться в Памятных книжках, в Трудах статистических комитетов, в провинциальных сборниках, в Епархиальных ведомостях, в земских изданиях, в Морском сборнике и т.д. Возникли отделы Географического общества: Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский, Кавказский, Оренбургский, Юго-Западный. Некоторые из них скоро закрылись, но другие действуют до сих пор, и в их изданиях скопилось немало ценного этнографического материала. В Москве этнография получила свой центр в лице Этнографического отдела Общества любителей естествознания, которому по инициативе А.П. Богданова и при содействии В.А. Дашкова удалось осуществить в 1867 г. обширную этнографическую выставку, собрав для нее массу этнографических предметов, отчасти представленных наглядно, в форме манекенов, групп и т.д., и послуживших затем ядром нового Этнографического музея. Кроме того, Этнографическим отделом был издан в его “Трудах” ряд исследований и материалов по славянским и инородческим племенам, снаряжено несколько экспедиций, изданы программы для собирания сведений по этнографии и по обычному праву и т.д. На Кавказе, кроме изданий отдела Географического общества, этнография обогатилась ценными материалами в ряде томов “Сборника сведений о кавказских горцах”, “Сборника статистических сведений о Кавказе” и “Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа”, изд[анных] управлением Кавказского учебного округа. По Туркестану масса данных скопилась в “Сборнике сведений о Средней Азии”, изд[анном] Главным штабом, в отчетах о многих экспедициях, в описаниях путешествий и т.д. По изучению собственно русской народности следует отметить ряд сборников песен, былин, духовных стихов, сказок — Киреевского, Рыбникова, Бессонова, Баренцева, Афанасьева, Кулиша, Антоновича и Драгоманова, Шеина и др., и ряд написанных о них исследований — Буслаева, Веселовского, Миллера, Стасова, Сумцова, Халанского и т.д.; Толковый словарь живого великорусского языка — Даля; ряд исследований и наблюдений по русскому языку и его наречиям (Потебни, Житецкого, Соболевского, Карского и др.), по общине и обычному праву, по расколу, по народной музыке, по некоторым обычаям и обрядам и т.д. Этнографическая литература разрослась

наконец до того, что следить за ней стало трудным и потребовались ежегодные ее указатели, которые и помещались с 1859 г. лет двадцать Межовым в приложении к “Известиям” Географического общества, откуда общество, из излишней экономии, не нашло нужным их прекратить, к общему сожалению всех интересующихся русской географией и этнографией. Разрастание литературы, однако, еще не гарантирует ее научности и полноты; и что в этом отношении остается еще многого желать — доказывает недавний отзыв известного знатока русской литературы, книжной и народной, А.Н. Пыпина.

В своей статье “О задачах русской этнографии”, читанной в заседании отделения этнографии 17 апреля 1885 г., г[-н] Пыпин высказал ряд мыслей о том, “что было бы нужно для правильной, широкой постановки той науки, от успеха которой так много зависит наше знание народа”. Прежде всего, по мнению Пыпина, нужно собрать возможно более материала. Материал, уже собранный, велик, но его недостаточно, если принять во внимание громадную область, на которой раскинуто русское племя, разнообразные условия его жизни, многообразные типы населения и пр.

При всем обилии этнографической литературы, крайне неполны еще сведения о самой господствующей народности. Великорусское племя существует теперь в целом ряде оттенков и вариаций, которые не только не исследованы вполне, но иногда едва намечены. Народный тип центральных губерний, поморского Севера, южных областей на переходе к малорусскому, средней и нижней Волги, тип казачьих населений на Дону и на Урале, тип сибирский — все это весьма несходные вариации, подробное исследование которых в известной систематической целости представило бы величайший интерес, как научный, так и общественный. Варианты великорусского народного типа произошли не только от старых корней, отдаляясь один от другого под всякими природными и историческими условиями, но и из множества племенных смешений. Русский народ воспринял в себя целую массу инородческих элементов. Изучение этих инородческих стихий русской народности, можно сказать, еще не существует.

Этот отзыв г[-на] Пыпина, по нашему мнению, несколько преувеличен, и если покопаться в литературе, то можно найти уже довольно много данных как о различных оттенках русской народности (напр., о поморах, сибирском населении, казаках, подразделениях малоруссов), так и о многих инородцах; но, конечно, многое еще и остается сделать в этом отношении, особенно по таким вопросам, которые (как, напр., вопросы об особенностях говора) требуют известной подготовки для их исследования.

Говоря о значении этнографии, Пыпин указывает на “глубокий общественный смысл народного мировоззрения”, более правдивая картина которого “может быть дана только обширным и многосторонним наблюдением”, а также на важность ее материалов для истории культуры, мифологии, истории словесности, психологии народов, социологии и т.д. С другой стороны, по мнению Пыпина, усиленное этнографическое собирание становится теперь необходимым еще потому, что старый обычай быстро исчезает, что с падением крепостного права, с разрушением крестьянской обособленности, с распространением школы и вообще культурных влияний старые песни, обычаи, предания забываются и исчезают, и процесс подтачивания старины идет теперь гораздо быстрее, чем он шел несколько десятилетий тому назад. Поэтому нужно поторопиться с сохранением для нашей собственной истории отголосков народной старины. Нужно организовать возможно обширное собирание этнографических материалов, и притом не случайное и отрывочное, а систематичное и научное, через посредство университетски образованных и специально подготовленных лиц и при помощи любителей, надлежащим образом руководствуемых. Следует составить, при помощи разных специалистов, руководство для такого

собирания, которое бы состояло не из одних голых и сухих вопросов, но и знакомо-ло бы с содержанием науки, ее задачами, мотивировало бы вопросы научными объяснениями и примерами и т.д. Важным подспорьем для собирания и возбуждения интереса к делу могли бы служить этнографические музеи, которые, если бы они стремились к известной полноте и систематичности, могли бы быть пригодны не для одних только популярных, общеобразовательных целей, но и для научных, именно для сравнений, которые могут делаться только по достаточно полному и систематически подобранному материалу. Далее, желательно, чтобы были приняты работы “для соединения в одно целое, хотя бы путем подробного библиографического описания тех многочисленных материалов, нередко очень ценных, которые рассеяны в периодических изданиях, например провинциальных, и большею частью остаются недоступными для исследователей”. Этнографическое отделение Географического общества могло бы, по мнению г[-на] Пыпина, взять в свои руки новую организацию усиленного этнографического собирания. Оно могло бы наметить те группы русского и инородческого населения, которые требовали бы особенного внимания, взять на себя составление новых руководств и программ для этнографического собирания, организовать этнографические съезды, установить деятельные сношения с отделами общества, основать “этнографические станции” в различных, более или менее отдаленных пунктах и снарядить ряд этнографических экспедиций. Большую пользу, особенно для любителей, могло бы оказать также, по мнению Пыпина, специальное периодическое издание, которое бы служило для объединения дела, ставило бы общие и частные вопросы и объясняло программы, давало сведения о ходе работ, о накоплении этнографических данных, вызывало бы сообщения, знакомило бы, одним словом, с жизнью и движением науки и с развитием этнографического собирания.

Во всех этих замечаниях и пожеланиях г[-на] Пыпина есть, несомненно, много справедливого, но в общем статья его не отвечает, как нам кажется, заглавию. “Задачи этнографии” в ней очерчены недостаточно ясно, и автор распространяется почти исключительно о собирании этнографического материала. Упрекая составителей этнографических программ в сухости вопросов, не мотивированных научными объяснениями и примерами, сам г[-н] Пыпин останавливается еще менее на задачах пропагандируемой им науки и не подкрепляет своих *desiderata*, как бы то следовало, примерами и разъяснениями. Между тем говорить все только о собирании и собирании, жаловаться на недостаточность материала и требовать для пополнения его целого ряда предприятий и значительных средств, по нашему мнению, еще не много может помочь делу. Нужно действовать скорее примером, доказать, что и с малыми средствами может быть кое-что сделано, а затем указать, что именно требует больших средств и почему именно оно необходимо и важно. Некоторые *desiderata* г[-на] Пыпина понемногу и осуществляются: в последнее время появляется все более и более образованных молодых людей, посвящающих свое свободное время изучению народа в той или иной местности и собирающих данные о его быте, языке, обычаях, верованиях и т.д. Свидетелями тому служат, между прочим, Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, “Сборник”, издаваемый при Дашковском музее под редакцией В.Ф. Миллера, наконец — настоящее издание, которое питает надежду сделаться периодическим. Как много можно сделать сравнительно слабыми силами, доказывает также “Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа”, издаваемый Кавказским учебным округом. Этнографическим отделом изданы также подробные программы, снаряжались экспедиции, и если не сделано большего, то потому, что не было больше работников и средств. С другой стороны, для пополнения имеющихся сведений нужно в некоторых случаях, по нашему мнению, не так уж много. Мы полагаем, что если бы было приведено в известность все, что напечатано по этнографии в многочисленных

и часто трудно доступных изданиях, книгах, журналах, сборниках, газетах, брошюрах, а также и то, что в виде рукописей хранится в архивах Географического общества, его отделов и других обществ, то получился бы весьма обширный материал, пополнение которого, соответственно его пробелам и сообразно с новыми вопросами и требованиями науки, было бы делом, может быть, менее трудным, чем оно способно казаться. По нашему мнению, одною из ближайших нужд этнографии России должно считаться сведение воедино разбросанных сведений о различных инородцах и частях русского населения. Это сведение не может, однако, делаться механическим путем, подобно составлению библиографического указателя, да и библиография по специальной отрасли знания только бы выиграла, если бы за нее взялось лицо в этой специальности компетентное, которое бы могло выделить более важное от второстепенного, дать оценку отдельным работам, указать их содержание, определить, что в них своего, оригинального и что — заимствованного или пересказанного, привести, в случае надобности, выписки и т.д. Тем более подобная компетентность необходима в деле *обработки* этнографических данных — обработки, требующей, кроме основательного изучения литературы, еще и личного наблюдения, проверки и пополнения иногда разноречивых сведений. Вообще, по нашему мнению, процесс монографического описания какого-нибудь племени или этнографической области должен быть, в главных своих чертах, таким. Берущийся за такую работу должен быть знаком с основаниями этнографической науки вообще и этнографии России в частности; кроме того, он должен иметь достаточное понятие о методах и приемах собирания этнографических данных. Обладая такой общей подготовкой, он должен познакомиться основательно с литературой избранной им народности или этнографической области, просмотреть все то, что есть по ним в доступных музеях и архивах, наметить ряд ближайших вопросов для собственных дальнейших изысканий; заручиться нужными пособиями и указаниями для путешествия и отправиться затем, по крайней мере на несколько месяцев, для ближайшего личного ознакомления с объектом своих исследований. Ознакомившись с народом, его типом, различными сторонами его быта и, по возможности, с его языком (знание местного языка существенно полезно и необходимо для исследователя), привезя с собой этнографическую (а по возможности и антропологическую) коллекцию, серию фотографий и рисунков и несколько сплошь исписанных записных книжек, исследователь должен приняться за разработку добытого им материала и за его проверку и пополнение уже имеющимися в литературе данными. При этом ему придется, может быть, для полноты исследования подыскать, по возможности, все, даже самые мелкие статьи, имеющие отношение к предмету, и извлечь из них все то, что он имеет основание считать верным, характерным, любопытным или даже только вероятным и возможным, не упуская указать и то, что он с полным основанием должен отвергнуть, признать несуществующим или неверно понятым. В заключение останется только надлежащим образом разгруппировать материал и обработать его более или менее литературно, отнестя мелкие подробности в примечания и дополнив свое изложение библиографическим указателем и, если окажется надобность, приложениями (напр., песни, сказки, ноты, словарь и т.п.). Если при этом к тексту будут еще приложены достаточно удачные рисунки, изъясняющие тип и подробности быта народа, и карта, показывающая его расселение, то получится в высшей степени ценная и важная для науки монография, которая может избавить будущих исследователей от всякой необходимости рыться снова в разбросанной прежней литературе предмета.

Мы сказали, что такая работа не особенно трудна, в том смысле, что всякий образованный человек, интересующийся этнографией и не лишенный наблюдательности, сметки, терпения и характера, может за нее приняться; но понятно, что она будет особенно удачной, когда человек увлечется предметом, будет лучше подготовлен,

способен будет посвятить больше времени на личные наблюдения и изучение соответственной литературы и когда притом он обладает некоторым умением комбинировать данные и известным литературным талантом. Все эти качества и условия встречаются вместе нечасто: иногда есть знания, но нет умения их комбинировать и излагать; иногда есть литературный талант, но слаб располагаемый запас данных. Притом такая монография не может не выйти объемистой, а раз она объемиста, возникает вопрос о ее издании, которое может быть сопряжено с значительными расходами, не всегда способными вознаградиться. Монография даже небольшого сравнительно племени может потребовать 25–30 печатных листов, а более значительного и распадающегося на многие подразделения и оттенки — и гораздо более. Это обстоятельство способно подорвать охоту исследователя к избранному им труду, лишить его надежды на возможность видеть свой труд в печати. Мы полагаем, однако, что если исследователь работал при содействии какого-либо ученого общества или вообще если ход его работы известен и его труд обладает действительным научным значением и изложен литературно и интересно, то нет оснований отчаиваться в его издании и почти наверное можно сказать, что так или иначе, но он будет издан. Обстоятельно и литературно написанный очерк лопарей, самоедов, калмыков, якутов, лезгин, изображающий живо быт племени, страну им занимаемую, обстановку его жизни и т.д., может читаться с большим интересом, и если он будет вместе с тем охватывать самые различные стороны народной жизни, его поэзию, мифологию, общественное устройство, экономический быт, то, несомненно, обратит на себя внимание и многих специалистов — не только собственно этнографов, но и историков, статистиков, юристов. Такая система монографической обработки может быть применена, однако, не ко всем народностям; об иных имеется слишком мало данных, которые нуждаются еще в значительном пополнении; другие слишком обширны, заселяют значительное пространство, распадаются на многие оттенки, которые требуют еще предварительного изучения. В отношении к таким народностям полезнее ограничиться подготовительными трудами, и особенно было бы важным составление толковых и подробных библиографических указателей.

Но если бы даже и можно было составить монографии по всем народностям России, каждой в отдельности, то этого было бы еще недостаточно для целей этнографии России. Этнография не может быть наукой чисто описательной, и ее конечные задачи должны заключаться в объяснении и истолковании фактов народной жизни и взаимного отношения и распределения племен. Без известной доли анализа и истолкования этнографических данных нельзя обойтись и при монографическом изучении племен, но понятно, что в последнем случае такой анализ может быть прилагается лишь в ограниченной мере, иначе он способен отклонить исследователя слишком в сторону от его ближайшей задачи. Аналитические работы в области этнографии должны составлять свой отдельный цикл и преследовать свои особенные цели. Предметом их может быть любая сторона народного быта, материального или духовного, даже известная категория поверий, известный род изделий, какой-нибудь обряд, сказка, предрассудок и т.п. Исследователь прилагает к известному факту народной жизни или частности быта сравнительный метод, следит за вариациями этого факта у различных народностей, старается воспроизвести его в первоначальном его виде — одним словом, пытается проследить его историю, происхождение, развитие, видоизменение и постепенное исчезновение или забывание. Такие работы могут быть в высшей степени интересны и плодотворны по своим результатам, но они предполагают достаточную эрудицию и начитанность, умение отыскивать подходящие аналогии и известную способность к анализу и к логичному комбинированию разрозненных данных. Такого рода работы имеют в этнографии подобное же значение, как работы сравнительно-анатомические, эмбриологические и, пожалуй, биолого-географические в зоологии. Без них нельзя достигнуть более

глубокого понимания этнографических фактов, и в то же время, располагая однородные факты в известной последовательности и связи, они дают им новое освещение, уясняют смысл кажущихся иногда второстепенными и несущественными подробностей и позволяют легче обнять и удержать в памяти их разнообразие. Кроме того, особую категорию исследований могут составить изыскания по взаимному отношению племен, их смешению, воздействию одного племени на другое и тому подобным вопросам.

Изучение различных народностей, населяющих Россию, кроме интереса, представляемого им самим по себе, может дать важные указания и для русской истории — как для истории собственно (распространения русского племени, его борьбы с инородцами и т.д.), так и для истории русской народной словесности, русского быта и культуры. Наоборот, недостаточность этнографических данных способна отражаться неблагоприятно и на истолковании русской старины, на научной разработке русской археологии. Многие старинные обряды, слова, частности быта, изделия могли бы стать гораздо более понятными, если бы мы могли подыскать им аналогии в современном народном быту. Лучшее знакомство с различными сторонами народной жизни способно было бы бросить новый отраженный свет и на соответственные стороны быта древнего.

Но исследования в области русской этнографии могли бы дать новые факты и открыть новые точки зрения также в области истории культуры вообще и этнологии или истории первобытной культуры в особенности. Западные ученые, положившие начало этой отрасли знания и открывшие новые пути в изучении древнейших стадий культуры, основывались в своих сравнениях, с одной стороны, на данных доисторической археологии, палеонтологии, языка и этнографии диких внеевропейских народов, с другой — на тех более или менее скудных отголосках седой старины, которые сохранились в быту, поверьях, обрядах, социальных отношениях культурных народов древнего и нового мира Европы. Но обширная область, составляющая переход от Европы к Азии, масса народностей Европейской России, Кавказа, Средней Азии и Сибири менее известны в этнографическом отношении на Западе, чем многие области Африки, Америки или Полинезии. О России знают большей частью лишь постольку, поскольку она была предметом изучения иностранных путешественников и поскольку о ней имеются сведения в сочинениях, изданных на западноевропейских языках. Но русская этнографическая литература теперь значительно возросла; в ней скопилось много данных, остающихся неизвестными на Западе и ожидающих применения их к вопросам общей первобытной культуры со стороны русских ученых. Кроме того, по многим вопросам, возникшим или определившимся яснее лишь недавно, требуются еще новые исследования, обещающие дать любопытные и ценные результаты, способные значительно пополнить имеющиеся сведения.

В Америке, например, Маллери собрал весьма интересный материал о языке жестов у индейцев и о так называемой пиктографии (начертания на скалах, на деревьях, тамги, бирки, знаки татуировки и т.п.); но ему остался неизвестным тот материал, который мог бы быть собран по этому предмету в Сибири и в России вообще. Много нового и интересного мог бы встретить также среди племен России исследователь материальной культуры, или так называемой житейской техники. У некоторых народов Сибири еще в прошлом веке были в употреблении каменные орудия, да и теперь еще есть там племена, хотя и знакомые с железом, но, в сущности, еще едва вышедшие из быта каменного века. История орудий и оружия — топора, долота, сабли, лука, стрелы, скрепка, ножа — могла бы значительно пополниться при помощи данных русской археологии и русской этнографии. Относительно, например, происхождения ружья наука имеет еще слишком мало указаний: известны духовые трубки для выдувания стрел у малайцев Борнео и индейцев Гвианы, но их

связь с позднейшими ружьями представляется сомнительной. Между тем развитие ружья может выясниться более, если принять в соображение древность этого оружия в Китае, существование по русским сказаниям в XV—XVI вв. народов в верховьях Оби, пускавших стрелы из железных трубок с помощью удара молотком, и распространение теперь еще в Алтае, в южном Урале и у вотяков в качестве детской игрушки деревянной трубки для бросания стрел. Развитие охотничьего и рыболовного промысла может быть представлено, несомненно, гораздо в большей полноте при пользовании этнографическим материалом, собранным в России, точно так же, как и быт пастушеских народов может значительно разъясниться наблюдениями над русскими племенами номадов, а равно и первобытные стадии земледелия могут быть наглядно иллюстрированы теми переходными формами быта, которые мы встречаем, например, у некоторых инородцев Алтая. По отношению к жилищу мы имеем в России почти все формы его, начиная от землянки, вежи, чума, юрты, кибитки — до хаты, избы, причем местами, например у якутов и в Алтае, можно подыскать даже различные переходные стадии от землянки и кибитки к деревянной избе. Кроме того, изучение деревянных построек — разных видов изб, часовен, церквей, старинных хором, их планов, фасадов, орнамента — способно внести и другие новые данные во всеобщую историю архитектуры. Развитие повозки Тайлор начинает с приспособления обрубка круглого дерева, из которого образовалась двухколесная тележка с наглухо укрепленной в толстых колесах осью; но он, по-видимому, забыл о санях, которые, очевидно, были древнейшей повозкой и которые местами в России и теперь еще составляют единственный экипаж. Мало того, у нас можно найти и простейшие типы саней — волокуши, а равно и простейшие формы колесных повозок с наглухо забитою осью, как, например, кавказские (особенно абхазские) арбы и некоторые повозки в глухих местностях внутренней России. С другой стороны, в Олонецкой губернии у нас сохранились еще простейшие типы колес на неподвижной оси из толстых цилиндрических обрубков стволов, с прорезанными в них четырьмя отверстиями, причем площадь этих отверстий значительно меньше площади разделяющих их перемычек (спиц). Не менее интересные данные может дать и изучение употребляемых у нас лодок, челнов душегубок, карбасов и т.д., а также весел, парусов и пр., причем было бы желательно, чтобы все типы этих посудин, равно как повозок, жилищ, орудий и т.д., были не только описаны, но и представлены в рисунках, а более характерные и собраны в оригиналах в музеях. История одежды, обуви, тканей, украшений (в том числе татуировки и искусственного деформирования головы) может также обогатиться многим на почве России, равно как история деревянной и глиняной посуды и их орнамента. У разных инородцев, и даже отчасти у русского народа, сохранились еще первобытные способы произведения огня, а следы почитания этой стихии еще весьма распространены в народных понятиях. Немая, меновая торговля давно уже отошла на Западе в область смутного предания, а у нас в Сибири она производилась местами еще недавно и даже производится кое-где и теперь. Архаическая народная поэзия уже почти исчезла в Европе, а у нас она еще живет, хотя и вымирает, можно сказать, с каждым годом. Много интересного может также дать серьезное изучение нашей народной музыки и народных музыкальных инструментов, начавшееся только в самое последнее время, а равно изучение народных графических искусств, резьбы и живописи. Даже по первобытной истории театра Россия может доставить небезытересные сведения, как то доказывают наблюдения г[-на] Гондатти над сценическими представлениями у маньчжов (вогулов) при празднествах по случаю удачной охоты на медведя. У некоторых инородцев Сибири еще и теперь употребляются маски в качестве принадлежностей религиозных обрядов, а в древних могилах Минусинского края были найдены характерные гипсовые маски, подобные которым еще нигде не были известны. Какое обширное поле для наблюдений представляют также народные детские игры,

игрушки и народное воспитание детей — дают понятие сведения, собранные по этим вопросам Е.А. Покровским.

Богатую жатву обещает также этнографическое собирание и изучение в области религиозных верований, религиозных мифов, обрядов, поверий, предрассудков. В пределах России живут еще народы, сохранившие первобытные религиозные формы анимизма, фетишизма и шаманизма. Можно сказать даже, что нигде шаманство не развилось в такой полноте и многообразии, как на почве Сибири, и что нигде нет, следовательно, более подходящей почвы для его изучения. Но верование в духов и в сверхъестественные силы некоторых людей, способных вступать в общение с духами, сохранилось и у многих других народностей России, давно уже покинувших стадию явного шаманизма. Темный мир колдовства и ведьм еще оказывается крепко живучим в русском народе и представляет весьма благодарный объект для научного изучения. Вообще под оболочкой христианства, часто понимаемого лишь внешним образом, в различных областях России сохранилось еще много остатков древних религий, остающихся еще иногда, как у некоторых инородцев, черемис, вотяков и других, главным содержанием народных верований и обрядов. Но и в среде собственно русской народности эти остатки еще далеко не изгладились, и серьезное изучение их сравнительно с верованиями инородцев, с понятиями сектантов и с тем, что нам известно относительно верований наших предков, может дать и много интересных фактов и выводов для сравнительной истории религий. Укажем еще на важность изучения религиозных атрибутов и символов, например разнообразных форм идолов (у амурских инородцев, тунгузов, самоедов, остяков, алтайцев), других принадлежностей культа (шаманских бубнов, жертвоприношений, амулетов и т.д.), а равно и на анализ верований в загробную жизнь, представлений о мертвеце, похоронных обрядов, выказывающих в пределах России немало разнообразия и сохраняющих еще многие следы первобытных воззрений.

Обширное и благодарное поле для наблюдений представляет также народная нравственность и общественность, изучение народной семьи, брака и его обрядовой стороны, общины, юридического быта и вообще социального мировоззрения. Много в этом отношении уже собрано, но многое и остается еще собрать, а затем подвергнуть все эти данные научному анализу и сравнению с соответствующими данными относительно других народов. Уже сделанные до сих пор наблюдения показывают, какие ценные факты может дать в этом отношении русская этнография для истории первобытного права. У некоторых наших инородцев еще сохранились следы материнского права (матриархата); в некоторых уголках Кавказа еще живут феодалные понятия и обычаи; в русском обычном праве и свадебных обычаях можно открыть еще много пережитков глубокой, первобытной старины. Нет сомнения, что, когда русская этнография выйдет из периода накопления сырого материала и обогатится рядом научных монографий вроде трудов Ковалевского, Ефименка, Сумцова, в ней будут черпать щедрою рукою западноевропейские исследователи истории культуры.

Для русского же общества все эти результаты этнографических исследований могут принести и другую важную пользу. Они познакомят нас ближе с нашим народом, уяснят нам его мировоззрение, его стремления и его потребности, позволят заглянуть глубже в его духовный мир и тем дадут важное дополнение к выводам русской истории по отношению к выработке верного, истинно народного самосознания. Незнакомство с этнографическими данными, непонимание быта, состояния и потребностей народа было у нас уже причиною многих административных и законодательных ошибок как по отношению к инородцам, так и к собственно русской народности. Благодаря этим ошибкам, например, буряты из шаманистов сделались буддистами, а киргизы — магометанами, чем, может быть, отрезан навсегда путь к их слиянию с русским народом. Вместо того чтобы принять меры к их обращению

в христианство и к противодействию влиянию буддизма и магометанства, у нас было признано, что буддизм и магометанство, во всяком случае, лучше шаманизма, и тем косвенно была дана возможность утвердиться этим религиям, которые между тем способны противостоять гораздо крепче христианству, чем первобытные верования. На Кавказе у нас также поддерживали иногда, местами, ханов и аристократию против взглядов и желаний народа; в других случаях не принимали мер против эксплуатации одной народности другою или побуждали к перемене быта, например, кочевого на оседлый, хотя последний не мог упрочиться по местным условиям, и т.п. Немало было у нас также реформаторов, стремившихся разрушить сельскую общину или ввести ее там, где ее не создал сам народ, или навязать народу чуждые ему понятия в сфере семейных отношений, наследования и т.п. Не все, конечно, разделяемое и сохраняемое народом может быть признано справедливым, разумным и заслуживающим сохранения и поддержки, но, с другой стороны, и навязывание ему чуждых форм, от которых для него не может быть никакой пользы, также нежелательно и способно лишь разрушить коренные устои его жизни. Данные этнографии (и, прибавим, статистики) могут быть важными свидетельствами в вопросах, касающихся организации и улучшения народного быта, и с ними нельзя не считаться при всякой серьезной реформе крестьянских отношений и порядков.

Примечания [Д.Н. Анучина]

¹ По словам Бастиана (*Die Vorgeschichte der Ethnologie*. 1881. S. 15), впервые термин “этнография” был введен в употребление в издании “*Ethnographische Bildergalerie*” (Nürnberg, 1791). Первоначально термин *Ethnici* противопоставлялся терминам *Christiani* и *Judaei* и обнимал все народы, за исключением христиан и евреев. Это видно из сочинения Хоспиниана “*De festis...*”, первая часть которого, изданная в Женеве в 1675 г., озаглавлена “*De festis Ethnicorum et Iudaeorum*”, а вторая, 1679 г. — “*De festis Christianorum*”. Позже, однако, термин *Ethnici* стал прилагаться к изучению всех вообще народов. К XVIII в. относятся труды Лейбница, Вездина, Анкетиль-Дюперрона, Джонса, лорда Монбоддо, Герваса и других — по языкознанию; Гогэ, Стибса, Мейнерса, Гердера — по истории культуры; причем впервые осознается важность изучения современных, особенно диких, народов для понимания быта народов древности и вводится в употребление самое слово “культура” в современном его значении. Известно, что это латинское слово, заключающее в себе понятие о заботе, разведении, употреблялось сперва изредка в сельскохозяйственном смысле, но уже Цицерон и Гораций переносят его на заботы о воспитании, а Цицерон называет также философию “культурой духа”. В средние века “*cultura*” применялась только к земледелию, но испанцы стали употреблять ее и в смысле воспитания человека и духовного облагораживания. В Германии в конце XVIII в. со словом “*Kultur*” стало соединяться понятие об облагораживании и утончении всех духовных (и физических) сил человека и народа, [оно] стало обозначать просвещение, освобождение от предрассудков, также смягчение и утончение нравов. Гердер заявляет о необходимости “статистики стран” для подготовки “истории культуры народов”.

² Любопытно, что в предисловии к русскому изданию 1799 г. доказывается своевременность труда, между прочим, тем, что многие народы России под влиянием господствующего языка, религии и нравов утрачивают свои особенности и смешиваются с соседями, а интерес его — тем, что “внимательное рассматривание всех народов, обитающих в России, представляет нам живо древний, простой, естественному состоянию весьма близкий мир” и что “грубые наши народы” выказывают сходство по своему образу жизни и нравам “со многими дикими другими частями света”.

³ *Пытин [А.Н.]*. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873. С. 196.

⁴ Статья эта была написана по-немецки, но читана в заседании в русском переводе, который и был помещен в “Записках”.

⁵ См.: *Ламанский В.* Об историческом изучении греко-славянского мира. СПб., 1871.

⁶ Характеристика великорусского наречия была сделана впервые Сахаровым и Надеждиным. Последний написал статью “Великая Россия” в “Энциклопедическом лексиконе”

Плюшара (т. IX) и подробнее коснулся того же предмета в статье “Mundarten der russischen Sprache” в “Wiener Jahrbücher” (1841. XCI).

Примечание редакции

Подготовка текста в современной графике, орфографии и пунктуации Т.В. Елфимовой. В оригинале 1889 г. в названии статьи на лицевой странице присутствует подзаголовок: “О задачах русской этнографии (несколько справок и общих замечаний)”; текст подписан: “Д. Анучин. 22 февр. 1889 г.” На странице содержания того же номера название статьи дано без подзаголовка: “О задачах русской этнографии *Д.Н. Анучина*”. В настоящем издании редакция приняла решение опустить подзаголовок из библиографических соображений (чтобы при цитировании переиздание в современной орфографии формально отличалось от оригинала).

From the Archives

Anuchin, D.N. On the Goals of Russian Ethnography [O zadachakh russkoi etnografii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 11–28. <https://doi.org/10.31857/S086954150007765-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

This is a reprint of the seminal article on “The Goals of Russian Ethnography” by Dmitrii Anuchin (1843–1923), which appeared as the first publication in the opening issue of *Etnograficheskoe Obozrenie* in 1889. The republication of the article is meant to mark the 130th anniversary of the journal and prompt the readers to rethink the roads taken and not taken over the course of more than a century-long history of the leading Russian academic edition in the field of anthropology. The text has been edited in line with the contemporary Russian grammar, spelling, and punctuation.